

О ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

А.В. Бородина

Тверской государственной университет, Тверь

В статье предпринимается попытка сопоставить принципы филологической и юридической герменевтики в целях их возможного использования переводчиками юридических текстов. Обращается внимание на сближение герменевтических методологий лингвистики и правоведения. Делается вывод о потенциале филологической герменевтики для юридического перевода.

Ключевые слова: филологическая герменевтика, юридическая герменевтика, толкование, интерпретация, юридический перевод, переводчики.

«Юридический перевод есть всегда акт сравнительного правоведения плюс собственная переводческая операция, а переводчик, подобно юристу-компаративисту, занимается толкованием текста, хотя и с иными, нежели юрист, целями и иными способами».
Ж. -К. Гемар

Канадский переводовед Ж.-К. Гемар предложил весьма удачную формулу юридического перевода, совмещающего юридические и собственно переводческие приёмы и операции, в основе которых – «деятельность по интерпретации смысла текста ИЯ и созданию нового, эквивалентного текста ПЯ» [Крюкова 2017: 209] в рамках герменевтического подхода к переводу. Юриспруденция, в свою очередь, также «невозможна без герменевтики, задающей способы интерпретации права» [Тонков, Честнов 2017: 8]. В то же время – это разные виды герменевтики: филологическая и юридическая. Каким же герменевтическим инструментарием следует пользоваться юридическим переводчикам в целях повышения качества перевода и совершенствования своих переводческих компетенций?

Тверская школа филологической герменевтики изначально разрабатывалась с прицелом на языковой материал художественных текстов (а также «на тексты на подъязыке разговорной речи»), поскольку именно они позволяют в наибольшей степени раскрыться рефлексивному потенциалу реципиентов и выйти на третий – распредмечивающий – уровень понимания текстов: «что касается распредмечивающего понимания, особенно при обращении его на художественный текст высокого качества, то здесь наблюдается заметное преобладание собственно понимания над нерелективным смысловым восприятием, что, конечно, не значит, что реципиент во всех случаях отдаёт себе отчёт в том, что он совершает рефлексивные акты» [Богин 2009 (1986): 91]. Соответственно, переводоведческие исследования с позиций филологической герменевтики в основном фокусируются на особенностях художественного перевода [Галеева

2011], а герменевтические техники при подготовке переводчиков, как правило, отрабатываются на материале иноязычных художественных текстов.

Г.И. Богин затрагивает в своих работах вопросы юридической герменевтики наряду с «другими герменевтическими дисциплинами, приносящими результаты, иногда существенные если не для понимания текстов, то хотя бы для разработки методик и техник понимания» [Богин, 2009 (1982): 26]. Юридическая герменевтика, по определению Богина, «занимается, главным образом, способами обнаружения преднамеренно скрытых смыслов в произведениях устной и письменной речи» [там же] и с филологической герменевтикой не связана. Однако далее, в качестве одного из доводов в пользу всеобщности филологической герменевтики в историческом ракурсе, Г.И. Богин приводит любопытный пример: «уже в законах Ману, написанных на санскрите, предписывается оценивать искренность показаний допрашиваемого по паралингвистическим признакам» [Богин 2009 (1982): 27]. Несмотря на то, что законы Ману рассматриваются Божиным в контексте «прикладного языкознания и текстологии» [там же], по сути дела, речь идёт о случае применения принципов филологической герменевтики к анализу юридического текста, поскольку законы Ману – классический юридический текст, традиционно включаемый в хрестоматии по истории государства и права зарубежных стран для подготовки юристов (см., например: [Садиков, 2007: 30–40]).

Упомянутая Г.И. Божиным ещё в 1982г., юридическая герменевтика (герменевтика права, правовая герменевтика) как научное направление стала активно развиваться в России с 2000-х гг. Среди многочисленных исследований по данной проблематике следует особо выделить С. – Петербургскую школу юридической герменевтики. По мнению представителей этой школы, к юридической герменевтике относится «всё, что имеет отношение к процессам надления значением, восприятия и понимания в сфере права» [Тонков, Честнов, 2017: 9]. Обосновывая сию универсальность ссылками на принципы философской герменевтики Х.-Г. Гадамера, юридические герменевты полагают, что «и семиотика, и постструктурализм, и правовой реализм, и аналитическая философия или дискурс-анализ гармонично вписываются в герменевтику и взаимодополняют её»; как результат, «в парадигмах юридической герменевтики неизбежны множественность и – потенциально – конфликты интерпретаций. Следовательно, невозможна одна единственно верная парадигма герменевтики права» [там же]. Многие критики-правоведы усматривают в этом «чрезмерное расширение предметного поля» [там же], сомневаясь, стоит ли «... провозглашать правовую герменевтику в качестве самостоятельной правовой теории, и тем более продвигать такую интерпретации в студенческие аудитории в рамках образовательного процесса», поскольку юридическая герменевтика представляет собой «относительно самостоятельную и обособленную область социально-гуманитарного знания (феноменология, лингвистика), с которым генетически

связана» [Крупеня 2017: 233]. В свою очередь, сторонники юридической герменевтики убеждены, что она «есть не что иное, как современное развитие учения о толковании права» [Павлов 2017: 213], и для того есть дискурсивные основания: труды по юридической герменевтике издаются под рубрикой «Толкование права».

В данной связи целесообразно разграничить термины «толкование» и «интерпретация», которые, казалось бы, претендуют на полную синонимию: сами правоведы склонны считать, что «слова “толкование” и “интерпретация” в современном русском юридическом языке используются в качестве синонимичных, взаимозаменяемых конструкций» [Ромашов 2017: 424]. Тем не менее, даже при беглом анализе российского юридического дискурса нельзя не заметить принципиальное различие: *толкование* чаще употребляется законодателями и юристами-практиками, *интерпретация* – теоретиками, историками и философами права. Исходя из этого, уместно предположить, что употребление термина «толкование» в целом носит практико-ориентированный, прикладной характер, тогда как «интерпретация» актуализируется в большей степени при научно-методологическом изучении и описании исторических и философских аспектов права. Более того, в юридических словарях (словари юридических терминов, юридические энциклопедические словари и т.п.), как правило, закреплено лишь «толкование», которое может быть официальным (властно одобренным) либо неофициальным. Указанная классификация строится на основе важного дискурсивного критерия – наличия юридической силы, которой обладают лишь тексты, основанные на официальном толковании и его разновидностях, включая «а) аутентическое; б) нормативное и в) казуальное толкование... Аутентическое толкование – это разъяснение норм права, даваемое государственным органом, издавшим их. Оно характеризуется прямым разъяснением смысла правовых норм органом государства, когда они неправильно применяются соответствующими субъектами права. Это разъяснение носит обязательный характер для тех, кто применяет такие нормы. Нормативное толкование даётся специально на то уполномоченным органом государства на основе обобщения юридической практики применения норм права (например, издание руководящих разъяснений Верховным Судом РФ). Казуальное толкование как разновидность официального толкования даётся теми органами государственной власти, которые применяют нормы права к конкретным случаям. Например, приговор суда, в котором обосновывается мера наказания в отношении осужденного, указывает отягчающие и смягчающие вину обстоятельства и т.п.» [ЭЮС 2016: 327].

Данное определение толкования как одной из ключевых юридических категорий и технологий обусловлено спецификой официального юридического дискурса, сущностным свойством которого является принудительная сила государства [Бородина 2017: 52]. Подобный подход этимологически восходит ещё к римскому праву, когда необходимость единственного решения

«диктовалась тем, что увеличение количества школ правоведения, особенно у готов и вестготов, могло породить различные интерпретационные течения и этим нарушить правовое единство империи» [Валадес 2008: 28]. В этой связи очевидно, что «для целей практической юстиции герменевтический подход с такими результатами [множественностью и конфликтом интерпретаций – А.Б.], мягко говоря, не совсем удобен... поскольку толкование рассматривается как практическое искусство преодоления вариативности, благодаря которому пресекается всякая другая неофициальная субъективность, вредная с позиции государственных устоев для стабильности и устойчивости общественных отношений» [Глухарева 2017: 240]. Переводчики, будучи агентами юридического дискурса [Махортова 2017: 131], всё же не имеют права на самостоятельное официальное толкование подлежащих переводу юридических текстов, даже если их заказчики либо клиенты порой думают иначе: исследователями отмечалось, что «иностранцы, вызванные в суд в качестве свидетелей, иногда не понимают, что судебный переводчик лишь передаёт им вопросы участников заседания, и говорят ему: “Что за глупости вы спрашиваете?” С точки зрения таких свидетелей, именно переводчик совершает соответствующее действие – в данном случае, “спрашивает глупости”» [Робинсон, 2014: 165]. Однако, приобретая в юридическом дискурсе свойство перформативности [Бородина 2017: 53], переводные тексты в то же время не являются «объективированным результатом» (формулировка Палашевской И.В.) официального толкования исходных текстов в силу функционально-дискурсивного различия статусов (ролей) их продуцентов и переводчиков. Эти различия не только отражены в научной литературе [Махортова 2017: 139], но и закреплены законодательно (см., например, ст. 162 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Соответственно, юридическим переводчикам следует знать о данном виде толкования как специфике юридического дискурса, но не имеет смысла осваивать его техники и правила, ибо переводчики всё равно не смогут их применить в своей практической деятельности ввиду указанных дискурсивных ограничений.

Интересно, что в работах юридических герменевтов явственно прослеживается тенденция уйти от восприятия официального толкования источников права как единственно возможного и нормативно допустимого: так, Ю.М. Ветютнев полагает, что «официальное толкование права правомерно рассматривать лишь как одно из возможных толкований, как частый случай интерпретационной практики, но который получил в силу властной авторитетности субъекта – его создателя статус привилегированного» (цит. по: [Глухарева 2017: 241]). Следует отметить, что попытки протеста против «гнёта нормативизма» неоднократно имели место в истории права [Исаев, 2017: 3], однако для лингвистики и переводоведения, думается, особый интерес представляет то, что правоведы называют лингвистическим поворотом второй половины XX в., «ознаменовавшим экспансию лингвистики и семиотики в

социальную сферу» [Честнов 2014: 122] и позволившим разрабатывать проблематику юридической герменевтики в междисциплинарном ключе. Подобный вектор развития правоведения воспринимается юридическими герменевтами не как «коллапс традиционной методологии», но «обычное развитие, своевременное совершенствование аппарата юридической науки с введением некоторых новых общеметодологических оснований, таких как человек, текст, язык, диалог, коммуникация, понимание и т.д., которые ранее, как правило, в поле юридической методологии как таковые отсутствовали» [Павлов 2017: 209]. Представляется, что для лингвистики и переводоведения аналогичную роль сыграл антропоцентрический подход, который также вывел на авансцену ранее не задействованные прагматические и антропоцентрические факторы [Бородина 2018: 19]. В результате лингвисты, переводоведы и правоведы вышли на во многом схожие методологические рубежи. Это, безусловно, дало толчок развитию юридической лингвистики и юридического переводоведения, а также междисциплинарным исследованиям по данной проблематике, наибольшую популярность из которых приобрело направление «Право и литература», включающее «попытки применить основы теории литературы к анализу законодательных и юридических текстов» [Валадес 2008: 18] (см. также: [Posner 2002; Честнов 2014; Исаев 2017]). Как следствие, юридическая герменевтика в настоящий момент вряд ли может предложить переводчикам что-либо новое помимо заимствованного из лингвистики и филологии их же собственного исследовательского инструментария: «методология права может (а по мнению некоторых авторов и должна) включать лингвистические, филологические, в широком смысле включающие семантические, прагматические и семиотические, методы» [Честнов 2014: 123].

Напротив, юридические герменевты могли бы многое почерпнуть из арсенала филологической герменевтики. Так, юридическая герменевтика, вопреки традиционному («классическому») подходу к толкованию юридического текста как «*ratio scripta* (“писанного разума”))» [Павлов 2017: 214], стала акцентировать внимание на связи интерпретатора и текста – своего рода *terra incognita* для исследователей-правоведов, при освоении которой неизбежно возникли трудности методологического порядка. В частности, В.М. Павлов выделяет текстуальное и смысловое значения интерпретируемой нормы права: если текстуальное значение в его традиционном юридическом понимании предполагает «документарное знаковое выражение правила поведения в правовом акте», то смысловое значение «требует его актуализации субъектом понимания (интерпретатором)» [Павлов 2017: 217]. Для филологических герменевтов очевидно, что в данном случае предпринимается попытка разграничить то, что ранее сделала филологическая герменевтика, а именно – объекты разных уровней понимания: семантизирующего, когнитивного и распредмечивающего. Кроме того, имеет место некоторая путаница понятий, регулярно возникающая, когда исследователь не пользуется инструментарием филологической герменевтики (на что в своё время

неоднократно обращал внимание Г.И. Богин). Так, например, упомянув текстуальное и смысловое значения правовой нормы (которые, вероятно, можно постичь при семантизирующем и когнитивном понимании), В.М. Павлов тут же вводит понятие «правового смысла» как «способа понимания правового текста / знака», который «знаково и проектно кодируется в тексте (например, в качестве замысла законодателя), но требует своей актуализации, которая осуществляется интерпретатором» [там же] (невольно возникает вопрос, может ли смысл быть способом своего же понимания). Интерпретация (толкование) в юридической герменевтике определяется как «когнитивная операция, направленная на выявление скрытого смысла подлежащей применению нормы, который прямо в ней не сформулирован, но актуализирован коммуникацией» [Глухарева 2017: 236], что в целом совпадает с приведённым выше определением целей юридической герменевтики, предложенным Г.И. Богиним. В то же время интерпретация не соположена с рефлексией, ключевой герменевтической категорией, лежащей в основе интерпретации [Богин 2009 (1982): 59]: «метод интерпретации не предполагает обязательной рефлексии над собственными установками и пресуппозициями, однако возможно также совершать интерпретацию, исходя из осознанно выбранных предпосылок» [Ягудина 2017: 247]. В этой связи нельзя не согласиться с Г.И. Богиним в том, что «оперирование понятиями, необходимо имеющее место при интерпретации текста, часто ошибочно принимается за его понимание. Хотя интерпретация представляет большую ценность как осознанная организация рефлексии, всё же нет оснований считать, что человек, не готовый интерпретировать текст, непременно его не понимает. Кроме того, во множестве случаев... можно видеть, как люди интерпретируют тексты, которых они не понимают» [Богин 2009 (1982): 13].

Таким образом, можно предположить, что отечественная юридическая герменевтика на данный момент пребывает на распутье, апробируя различные лингвистические и филологические методики (за исключением филологической герменевтики, что в ряде случаев приводит к известной путанице понятий и неопределённости выводов). В то же время исследователи неминуемо сталкиваются с сопротивлением юридического дискурса, обусловленного спецификой романо-германской правовой системы, в основе которой – «идея о том, что прерогатива создавать и применять право принадлежит государству как верховному носителю суверенитета» [Антонов 2017: 402]. Иные интерпретации юридических текстов – как исследовательские, так и обыденные (интерпретации рядовых носителей языка) – могут восприниматься как «неидеальные, некачественные и периферийные, к которым в официальных кругах не испытывают особого доверия» [Глухарева 2017: 243]. Переводчики же являются агентами текущего, а не фикционального юридического дискурса, не обладая правом официального толкования, вследствие чего их интерпретации – переводы – должны быть достоверными и вписываться в существующие дискурсивные рамки и нормы, в том числе закреплённые

законодательно. В этой связи оптимальным представляется использование юридическими переводчиками – хотя бы частично – инструментария филологической герменевтики, направленной на понимание текстов с учетом всех возможных нюансов, а также дальнейшая разработка принципов филологической герменевтики в преломлении к юридическим текстам.

Тем самым, на сегодняшний день изучение особенностей перевода юридических текстов с герменевтических позиций предполагает больше открытых вопросов, чем готовых ответов, стимулируя переводческое исследование, рефлексию и процессы понимания в русле филологической герменевтики. В то же время бывалые переводчики, регулярно натываясь на подводные камни письменного юридического перевода, явно согласились бы с шуточным призывом философа права В.С. Нерсисянца (цит. по: [Графский 2014: 6]): «Не пиши, скажи всё устно, писанина – это яд... Не писали Заратустра, моя мама и Сократ».

ЛИТЕРАТУРА

Антонов М.В. Понимание и истолкование права в свете различных представлений о суверенитете // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 402–417.

Богин Г.И. Типология понимания текста // Богин Г.И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009 (1986). Т. 2. С. 77–151.

Богин Г.И. Филологическая герменевтика // Богин Г.И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009 (1982). Т. 2. С. 3–76.

Бородина А.В. О формах переводческой (само) рефлексии // Материалы всероссийской (с международным участием) герменевтической конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 16–27.

Бородина А.В. Теоретико-методологические предпосылки изучения перформативности как свойства юридических текстов // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. Вып. 17. С. 51–57.

Валадес Д. Язык права и право языка. М.: Идея-Пресс, 2008. 160 с.

Галеева Н.Л. Перевод в лингвокультурологической парадигме исследования: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 172 с.

Глухарева Л.И. Конфликт интерпретаций в правоприменении как стимул развития иных систем права // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 235–244.

- Графский В.Г. От составителя // Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2014. 256 с.
- Исаев И.А. Мифологемы закона: право и литература. Москва: Проспект, 2017. 304 с.
- Крупеня Е.М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 219–234.
- Крюкова Н.Ф. Осмысление как сущностная характеристика интерпретативной деятельности переводчика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 209–213.
- Махортова Т.Ю. Переводчик в юридическом дискурсивном пространстве // Переводчик XXI века – агент дискурса: колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С.131–152.
- Павлов В.М. Антропологическая концепция права и юридическая герменевтика: методологические параллели // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 207–218.
- Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода: пер. с англ. М.: Р. Валент, 2014. 276 с.
- Ромашов Р.А. Толкование. Интерпретация. Герменевтика: соотношение понятий // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 422–428.
- Садиков В.Н. (сост.). Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 768 с.
- Тонков Е.Н., Честнов И.Л. Предисловие // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 8–11.
- Честнов И.Л. Право и литература после лингвистического поворота // Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2014. С. 122–128.
- Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2016. 368 с.
- Ягудина Д.С. Конфликт интерпретаций как социально-герменевтический феномен, его предпосылки, разновидности и способы разрешения // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 245–259.
- Posner R.A. Law and Literature. Harvard University Press, 2002. 422 p.

AND JURIDICAL HERMENEUTICS

A.V. Borodina

Tver State University, Tver

The article attempts to juxtapose and compare key principles of philological and legal hermeneutics to be possibly applied by translators of legal texts. The author pinpoints the trend of converging hermeneutical methodologies developed by linguistics and legal studies. She concludes by highlighting the potential capacity of philological hermeneutics for legal translation.

Keywords: philological hermeneutics, legal hermeneutics, construction, interpretation, legal translation, translators.

Об авторе:

БОРОДИНА Анна Владимировна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета; e-mail: juristka80@mail.ru